

1945 год, в небе над Японией. Утро. — База, как слышно меня? Приём! — проговорил пилот, сидя в кабине тяжёлого бомбардировщика. — Фокстрот 1, слышу вас хорошо, цель под вами, — сквозь помехи раздался голос из авиационной радиостанции. — У вас будет мало времени для отхода на безопасное расстояние, высотомер замкнёт цепь на высоте шестисот метров, — продолжила вещать рация. — Доложите обстановку. — Вижу цель, — покрутил головой пилот, разглядев сквозь облака едва заметное скопление огней в предрассветной дымке. — Разрешите исполнять? — пилот коснулся пальцем неприметной красной кнопки. — Исполняйте, — после продолжительной паузы ответила рация. Палец нажал на кнопку, самолёт вздрогнул, по фюзеляжу прошла едва заметная дрожь, когда открылся отсек для бомбометания. Воздушное средство дёрнулось, отцепляя смертоносный груз.

— База, как слышно меня? «Малыш» пошёл, — крикнул пилот, подавая знак второму пилоту уводить бомбардировщик в сторону. — Слышу вас... хорошо... возвращайтесь на... помехи на радаре... — ответила рация и замолчала. — База! Вы слышите меня?! — прокричал пилот, наблюдая под собою странное малиновое сияние, прорезаемое голубыми вспышками и всполохами. — База, это не взрыв, что это?! — прокричал в ужасе пилот, оглядывая малиновый горизонт. — ... мы не... зна... уводите самолёт! — прокричала рация и всё оборвалось.

* * *

Наше время, окраина столицы. Утро.

Я проснулся на рассвете. Привычка, выработанная годами. Отпуск, как отпуск, мог бы быть и покороче... перековеркал я слова песни, услышанной накануне по радио, садясь на кровати и смотря на спящую жену. Ира лежала на боку, умилительно подложив ладошки под щеку, видя спокойный утренний сон. Встав с кровати и накинув халат, я осторожно вышел из комнаты, заглянув в детскую. Дочурка спала спокойно, чуть слышно посапывая, видимая мне в первых лучах всходящего солнца. Пройдя на кухню, я поставил на плиту турку и вышел на балкон.

Закурив сигарету, я смотрел на лес, начинающийся сразу перед самыми нашими домами. С моего десятого этажа мне хорошо были видны дома по ту сторону лесного массива, там жили мои родители. И давно я звонил им в последний раз? А я ведь в отпуске... Стыдно. Дым застыл в моих лёгких, стало тяжело дышать.

Воздух вокруг меня словно бы превратился в плотное желе, по лицу побежал пот, раздался треск статического электричества, волосы на голове встали дыбом. Выдохнув, ничего не понимая, я бросил взгляд на лес. Деревья закачались, их окутал странный красноватый туман, замелькали молнии и послышался громкий хлопок. Выронив из пальцев сигарету, я с изумлением наблюдал, как сей лёгкий объект, со струйкой неподвижного дыма, летит не вниз, к земле, а ровно вперёд, к лесу и к странному малиновому туману. По воздуху прошла едва заметная рябь и всё стало как прежде, лишь между деревьями тут и там клубился странный малиновый дымок.

Услышав звук убежавшего кофе, я выскочил с балкона, выключил газ и, поспешно одевшись, выбежал из квартиры, не забыв прихватить с собою сотовый телефон.

* * *

Я хорошо знал этот лес. Всё своё детство я гулял в нём со своими родителями, правда, в те времена он был гораздо больше, не было соседних районов. Идя быстрым шагом по проторенной тропе, наблюдая за язычками странного тумана, я вышел на небольшую полянку с древним, почти уже засохшим дубом посередине. В кустах, в полутьме, в малиновых хлопьях, я увидел нечто большое и странное на вид. Продравшись сквозь заросли, я наткнулся на некий металлический объект, метра два в длину и сантиметров в семьдесят в диаметре, на четверть закопанный в рыхлую, влажную землю. Открыв от изумления рот, разводя в стороны поломанные ветви, я прочёл надпись на английском «Little boy» и вторую, маленькую «Made in USA». Весь корпус странного устройства покрывали таинственные знаки, похожие на автографы. Здесь же красовался жёлто-чёрный значок радиационной опасности. Когда я увидел небольшой экранчик с нулем и цифрами «46», меня уже посетила страшная догадка.

Зафотографировав объект с разных ракурсов, в том числе и на фоне кустарника, я развернулся и, переходя на лёгкий бег, дабы сойти за утреннего бегуна и не создавать паники, направился к дому. Бросив последний взгляд на страшную находку, я увидел, как цифра «46» сменилась на «45».

Это была ядерная бомба «Малыш», сброшенная США на японский город Нагасаки 5 августа 1945 года, но какого чёрта она делает здесь? Насколько я знал, бомба взорвалась на высоте около шестисот метров, покрыв собою весь город, в противном случае, при отказе высотомера, взрыв должен был произойти при ударе о землю. Но причём тут часовой механизм? Я не знал.

По нынешним меркам заряд у бомбы был смехотворным, порядка пятнадцати килотонн, но ведь и до моего дома чуть более километра, а до района, в котором жили мои родители и который я видел со своего балкона, менее десяти, мало, чертовски мало! Я посмотрел на часы, отмечая время...

— Ира, вставай! — громко, но без паники проговорил я, входя в квартиру. — Дим, что случилось? — в коридор вышла заспанная жена, когда я доставал из тумбочки деньги и наши паспорта. — Возьми Сашку и ценные вещи, которые влезут в ту красную сумку, у нас мало времени, — я разложил детскую коляску. — Скоро этого дома не будет, — я прошёл в детскую, аккуратно беря на руки дочь. — Как это не будет, ты что? — Ира посмотрела на меня непонимающим взглядом, наблюдая за тем, как я усаживаю в коляску ревушую дочурку. — Потому что вот... — я протянул ей телефон с фотографией. — Это я нашёл в нашем лесу, только что. Это ядерная бомба, до взрыва минут тридцать-тридцать пять. Она слабая, но дома нашего не будет и леса этого странного тоже не будет, делай что я говорю! — сорвавшись, я встряхнул женщину за плечи. — И родителей тоже не будет... Делай что я говорю, — еле слышно добавил я, выходя на балкон.

Бросая взгляд на лес, я чиркал зажигалкой, трясущимися пальцами выискивая мамин номер. — Аллё, мам! Ты уже на работу едешь? В метро спускаешься?... Хорошо... У меня всё хорошо, да... Да хватит уж, а?! — вновь сорвался я, слушая болтовню матери, на данный момент, явно не в тему. — Отец дома? Хорошо... Спит ещё? Ладно... Я тебе потом позвоню, пока... — я решил, что больше говорить ничего не надо, дабы не испугать женщину и не ввести её в заблуждение, рассудив, что в метро она будет в безопасности, а если мама будет уже в городе, то на такое расстояние взрывная волна не дойдёт, чай не наша «Царь-бомба».

А вот отец в большой опасности.

— Ир, ты всё собрала? Банковские карты взяла? — я выскочил с балкона, вбегая в коридор. Ирина стояла уже готовая, с большой дорожной сумкой на плече, держась за ручки детской коляски.

— Давай мне сумку, закрой дверь, — я вызвал лифт, бросая взгляд на циферблат своих наручных часов.

* * *

До станции метро было рукою подать. Спускаясь на платформу, я шептал на ухо жене, давая ей последние рекомендации.

— В метро безопасно. Веди себя естественно, не паникуй, никому ничего не говори, в город не выходи, езжай до конца линии. Сотовый взяла? Возможно, после взрыва не будет связи, я вас потом найду, следи за Сашей. Если будет паника и неразбериха — вы ехали к своим родителям в деревню, — мы зашли в вагон поезда. — А ты?! — Ира посмотрела на меня испуганными глазами. — Я за отцом... — я посмотрел на часы.

Двадцать три минуты, двадцать три долбанные минуты!

Выйдя в город через две станции, я опрометью кинулся к родительскому дому.из-за двери пропищал сотовый телефон.

— Ну где же ты?! — простонал я, выключая свой мобильник. — Где тебя черти носят?! — я со всей силы ударил кулаком по двери. — Дим, что случилось? Я здесь, в магазин ходил, — за моей спиной возник мой отец с магазинным пакетом. — Так, пап, у нас мало времени, бери документы, деньги, всё самое ценное, — затараторил я, входя в квартиру. — Сынок, что случилось-то? — отец смотрел на меня с недоумением, не думая поторопиться. — Восемь минут осталось. Восемь минут до ядерного взрыва. В нашем лесу лежит ядерная бомба, — прокричал я, мечась по коридору, выискивая паспорт отца. — Ты перепил или в компьютер переиграл? — отец расширил глаза, наблюдая за моими действиями.

Мои родители всегда считали меня сказочником и фантазёром, но сейчас, если будет надо, я потащу отца отсюда силком, а если будет очень необходимо — то и в бессознательном состоянии.

— Где ключи от машины? — я побросал в пакет деньги и паспорт. — Машина в сервисе, — ответил отец, прижимаясь к стене, пока я бегал по коридору. — Чёрт, подвал в доме открыт? — бормотал я, таща за собою своего отца, спускаясь с ним по лестнице.

Я решил не ждать лифта. Не хватало ещё по воле злого рока в нём и застрять за пять минут до нереального по мощности взрыва и улететь вместе с ним как Индиана Джонс улетел в холодильнике из самого эпицентра, но то кино, а в реальности, я знал, такого не бывает.

— Подвал... подвал закрыт... — тяжело дыша проговорил отец, выбегая вместе со мною во двор. — Так, мы идём к тем прудам, — я указал рукою на два пруда, — Мы идём спокойно, просто хотим искупаться... — я увлёл отца за собою, на ходу расстёгивая пуговицы своего пиджака. — Твой чудесный водонепроницаемый мобильник при тебе? — я расстегнул пуговицы рубахи. — При мне, — не без гордости ответил папа, отдавая мне телефон, — Я хотел тебе показать, а ты всё время не найдёшь приехать посмотреть, а ещё в отпуске, — с обидой добавил он, подходя вместе со мною к пруду. — Прости, возьми его с собою и лезь в воду, плыви на середину пруда, на лес не смотри, — я указал рукой за его спину. — Как увидишь вспышку света — ныряй в воду и сиди под водой как можно дольше, — я скинул брюки, оставшись в одних трусах. — Пакет у тебя без дырок? Паспорт и деньги сложи в пакет, одежда, возможно, сторит, а если её не снять — она может загореться, будет ещё хуже, — бормотал я,

завязывая пакет, и взглянул на часы.

Две минуты, примерно две минуты.

— Пошли в воду, спокойно и без паники, — заходя в воду, я обернулся назад.

Улица просыпалась, из подъездов домов выходили редкие жильцы. Дома остались позади нас, вдалеке, метрах в девятистах от нас виднелась плотная стена из деревьев. Развернувшись, зайдя в воду по пояс, я застучал клавишами водонепроницаемого телефона. Гудки длились необычно долго, наконец, сквозь шум несущегося под землёй поезда, ответила Ирина.

— Ир, вы в поезде? Да... на станцию не выходите, как ни в чём не бывало... да! Я вас найду! — у меня запершило в горле.

Зайдя в воду по шею, я принялся звонить маме.

— Мам, ты где... ? Уже вышла из метро? Понятно... Там у себя, да? Ну ладно, хорошо... Я у отца... да, я позвоню, пока, — у меня отлегло от сердца, близкие были вне зоны поражения.

— А холодная водичка-то, — проговорил отец, уже не касаясь ногами дна. — Сейчас будет тёплая... Как... когда всё случится — ныряй и плыви под водой как можно дольше, ты всё понял? — я взглянул на пожилого мужчину. — Странно это всё, сын, — взглянул на меня отец, — Ерунда какая-то... — всё вокруг озарила ярчайшая вспышка света, в спину нас толкнула неведомая сила, вода пошла рябью. — Ныряй! — рявкнул я, закрывая глаза и нажимая руками на плечи отца, держа в руке завязанный пакет, ныряя следом за ним. — Не выныривай! — кричал я и под водой, выпуская пузыри воздуха, ощущая, как потоки воды влекут нас вперёд.

Вжимая отца в дно водоёма, я невольно вынырнул, втягивая в лёгкие горячий воздух. Вода несколько потеплела, от пруда поднимались облачка пара. Боясь ослепнуть, желая увидеть всё своими глазами и прикрывая лицо ладонью, я обернулся, смотря на всё тот же самый лес. Вспышка света уступила место протяжному гулу. Из-за деревьев, в самую высь, поднимался белёсый столб нереального нечта, выбрасывая на сотни метров вверх землю и вырванные с корнем деревья. Сам лес, как трава, сложился от центра к краю, дымясь и возгораясь. Стало тяжело дышать, волосы тотчас же высохли, пруд напоминал одно огромное джакузи.

— Дим, это что такое?! — возле меня вынырнул отец, с ужасом смотря на эпицентр ядерного взрыва. — Пап, ныряй! — крикнул я, вновь увлекая его под воду, наваливаясь на него всем своим весом.

Моя рука нащупала на дне корягу. Держась за неё рукою, второй рукой обхватывая шею отца, ощущая, как всё больше теплеет вода, я пытался понять, прошла ли взрывная волна и не достанут ли до нас обломки разрушаемых зданий. Отпустив руку, я поднялся из воды, сквозь пар с ужасом оглядывая окрестности.

Ядерный гриб уже вполне сформировался, бодро возвышаясь над облаками, примятый лес, та его часть, которая устояла, ярко пылала, по улице, во все стороны, бежали перепуганные люди, срывая с себя горящую одежду, дико крича. Некоторые из них катались по земле, стремясь сбить пламя, другие бежали в сторону нашего пруда. Судорожно сжимая в руке водонепроницаемый телефон и пакет со спасённым добром, я с ужасом смотрел, как на берегу, среди дымящейся травы, вспыхнула и горит наша одежда.

— Плыви дальше, под водой! — крикнул я, стараясь набрать в лёгкие побольше раскалённого воздуха, погружая в воду родителя.

Раздался оглушительный рёв, это пришла вторая волна. Многоэтажки покачнулись, наш дом как-то странно накренился, частично обрушившись, во все стороны полетело стекло. Люди

беспорядочно лезли в пруд, обожжённые, но ещё живые. Внезапно они все взмыли в воздух, разлетевшись по округе, тем, кому повезло — с громкими воплями падали в воду, остальных взрывная волна разбрасывала в стороны, некоторые из них врезались в катящиеся по дорогам горящие автомобили... Повсюду вспыхнули очаги огня.

Дом родителей, как и многие дома в окрестности, разрушился почти полностью, чернея обугленным каркасом, солнце скрылось за дымом пожаров. Меня резко толкнуло в грудь, пруд вышел из берегов, очнулся я на том другом, противоположном берегу, лежащим на обожжённой земле, продолжая сжимать в руках свой скарб.

За мной был обширный участок пустой незастроенной земли. С трудом встав на колени, смотря на картину разрушения, я понял, что остался в живых. За лесом, за тем, что от него осталось, в вышине расплзался в стороны ядерный столб, заслоняя собою солнце. Я знал, что эта бомба была очень «грязной» — был велик шанс получить очень высокую степень облучения и скончаться уже впоследствии. Только сейчас я заметил, что у меня обгорели руки и лицо. И ещё я заметил, что не вижу своего отца...

По берегу обмелевшего пруда, тут и там, едва не в кипящей воде, возились, постанывая те, кто уцелел. Возможно, они даже не потеряли зрение, если не смотрели на самую вспышку. Ползая на карачках среди тел, я искал своего отца, и никак не мог его найти. Как же мне хотелось увидеть его хотя бы в воде, найти хотя бы тело!

— Диим, я здесь... — услышал я слабый голос из обугленных камышей.

Кинувшись туда со всех ног, на ходу шатаясь и падая, я нашёл своего отца, обгоревшего и едва живого. По виду, у него были сломаны обе ноги.

— Оставь меня... всё равно уже всё кончено, — шептал он, когда я, держа в руках пакет с единственно оставшимся у нас имуществом, тащил его по земле, как можно дальше от очага поражения, думая о том, что он говорит об окончании кошмара. — Нихера ещё не кончено! Тут знаешь какой фон?! — сквозь слёзы облегчения прокричал я, всё дальше и дальше таща папу по дымящемуся полю. — На вон, пакет держи, — истерично засмеялся я, засовывая водонепроницаемый телефон за резинку своих давно уже абсолютно сухих трусов...

* * *

— Ир, как у вас там?! Паника?! Сиди на станции, вам скоро помогут!!! У нас... да, живы!!! Сашка как?... Обгорели немного и светиться, наверное, будем! — шутил я, растирая по лицу слёзы радости, стоя посередине поля, смотря на пожарище и на летящие вертолёты.

— Мама! Ты скоро всё узнаешь... да! Что?! Стёкла вылетели?! Ты на вспышку не смотрела? Хорошо!!! Я... Я люблю тебя, мам... да... А ещё мы теперь бездомные, — я вновь пошутил, отходя от последствий шока, стоя рядом с отцом, смотря, как рядом с нами садится вертолёт...

* * *

— Экстренные новости!!! — прокричал журналист, оборачиваясь к камере, сидя в салоне вертолёта. — Сегодня утром в лесном массиве на окраине города, произошёл взрыв, сопоставимый со взрывом небольшой ядерной бомбы! Полностью разрушено три жилых квартала, счёт раненых и погибших идёт на тысячи. Мы связались с нашими коллегами из НАСА, никаких комет и астероидов в опасной близости от Земли зафиксировано не было... Следите за новостями.